

Financial Activity of Orders of Public Charity in the Upper Volga Provinces

A. V. Kuzmichev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-36-43

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the financial activity of the orders of the public charity, the main directions of their budget formation, as well as the social composition, which is aimed at the economic activity of these institutions in the last quarter of the XVIII-first half of the XIX centuries, i.e. for the entire period of the existence of the public charity. On the basis of archival materials identified in the state archives of the Vladimir, Kostroma, Tver and Yaroslavl regions, the ways of forming budgets of institutions of the system of orders of public charity of the Upper Volga provinces, the main stages of the formation of a new credit and financial institution for the XIX century - Savings banks are characterized. The author draws a conclusion about the regularities of increasing the volume of funds in the department of public charity orders and the lack of proper material support for organizations of the public charity system.

Keywords: orders public charity; the Upper Volga region; savings banks; officials

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kuzmichev, Alexander V. | E-mail: kuzav@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Финансовая деятельность приказов общественного призрения в Верхневолжских губерниях

А. В. Кузьмичев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-36-43
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

На основе архивных материалов, выявленных в государственных архивохранилищах Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской областей, в статье рассматриваются способы формирования бюджетов учреждений системы приказов общественного призрения верхневолжских губерний, основные этапы формирования нового для XIX столетия кредитно-финансового института сберегательных касс. Автор делает вывод о закономерностях увеличения объема денежных средств приказов общественного призрения и об отсутствии должного материального обеспечения организаций системы общественного призрения.

Ключевые слова: приказы общественного призрения; Верхнее Поволжье; сберегательные кассы; чиновники

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьмичев, Александр Викторович | E-mail: kuzav@mail.ru
Кандидат исторических наук

Значительным событием, повлиявшим на политическую, экономическую, социальную жизнь в Российской империи, стала губернская реформа 1775 г, оцениваемая дореволюционными, советскими и современными историками неоднозначно. Преобразования 1770-х гг. **создали сеть** государственных учреждений медицинского, образовательного, экономического характера. Вместе с образованием наместничеств в губернских городах в последней четверти XVIII в. создаются наместническое правление, казённая палата,

© Кузьмичев А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

а также приказ общественного призрения [1]. К примеру, в Ярославле после учреждения в 1777 г. наместничества были открыты новые заведения, для организации которых единовременно выделялось 5 тыс. рублей [2]. В Тверской губернии **приказ общественного призрения начал работу** в 1776 г. [3]. Владимирский приказ общественного призрения появляется к 1779 г. [4].

В соответствии с «Учреждениями для управления губернией», уставным документом проведения преобразования, в ведении приказов находились школы, больницы и другие медицинские заведения, исправительные дома [5]. Кроме того, приказы имели право с самого начала заниматься финансово-кредитной деятельностью. Всем образованным на территории Российской империи приказам из государственной казны на обустройство было выделено 15 тыс. рублей. Правительством предполагалась финансовая самостоятельность приказов общественного призрения, они сами должны были себя обеспечивать за счёт ростовщичества, помощи от меценатов и благотворителей и даже, к примеру, открытия питейных заведений. С 1841 г. в структуре приказов общественного призрения выделяется в качестве самостоятельной сберегательная касса, занимавшаяся теперь уже собственно коммерческой деятельностью, в то время как приказы выполняли непосредственные обязанности в сфере здравоохранения и социального обеспечения незащищенных слоёв населения [6].

Впервые идея создания финансового института по образцу западноевропейских государств для повышения материального уровня бедных слоёв населения появилась в 1820-х гг. в правление императора Александра I. Основная их задача состояла в возможности накопления материальных денежных средств и получения прибыли. Такие организации пытались внедрить даже в деревне, но безуспешно. Как правило, первые сберегательные кассы стали появляться в губернских городах при социальных учреждениях, входивших в систему приказов общественного призрения. В соответствии с пунктом 3 Устава сберегательные кассы учреждались при «сохраненных казнах воспитательных домов» и при приказах общественного призрения [7]. При последних штат формировался из числа местных служащих. Подобная сберегательная касса в структуре приказов общественного призрения возникла в воспитательном доме в Санкт-Петербурге. Верхнее Поволжье также не стало исключением. Так, в губернском городе Ярославле первая сберегательная касса появилась в «Ярославском доме призрения ближнего» в 1820-е гг. Последний относился к ведомству приказа общественного призрения.

Прообразом сберегательных касс, созданных на государственном уровне в 1840-х гг., стали сберегательные кассы, созданные при приказах общественного призрения в 1820-х гг. Архивные документы верхневолжских губернских городов показывают активную деятельность сберегательных касс при приказах общественного призрения еще в 1820-е гг. Так, во Владимир-

ском приказе **сберегательная касса** появляется в 1827 г. Основной её задачей, в соответствии с циркуляром гражданского генерал-губернатора, изначально была помощь вдовам музыкантов, маклеров, «на смертельные случаи» [8]. В Ярославле финансовая деятельность приказа общественного призрения фиксируется также с первой половины 1820-х гг. К примеру, в 1824 г. пономарь Петропавловской церкви штатного города Петровска Матвей Михайлов внес в приказ 57 руб. 14^{2/7} коп. серебром под 4 % годовых [9]. Приведенный пример говорит об использовании финансовых возможностей приказа общественного призрения духовенством в различных местностях Ярославской губернии.

В Верхневолжских областных государственных архивах хранится немало документов, показывающих социальный состав вкладчиков. Среди них были представлены все слои населения, кроме крестьян. Суммы вкладов были различные, как и получаемые проценты. В частности, к 1828 г. ярославская помещица О. Д. Яковлева передала Совету Ярославского дома призрения ближнего 3 тыс. руб., а горожанин А. Введенский в 1849 г. сделал вклад в 50 коп. [10]. Вкладчиками подчас были и известные люди, среди них можно отметить Юлию Жадовскую. В 1849 г. она открыла вклад на 25 руб., дважды его пополнив, получила в 1850 г. 1 руб. 94 коп. процентов, что соответствует порядку 5 % годовых [11].

Количество вкладчиков в сберегательные кассы было относительно невелико. На протяжении 1849–1855 гг. было обслужено 1500 человек, что может говорить не о популярности вложения денежных средств среди широких слоёв населения, а **об иных возможностях получения доходов**. Доходы приказов общественного призрения складывались из ссуд, финансово-экономических сделок, отработок колодников – граждан, совершивших до трех краж, мошенников, которых отправляли в рабочие дома, где они находились до момента выплаты стоимости причиненного ущерба или отработки необходимой суммы [12]. Так, в рабочем доме колодники, среди которых наиболее частыми категориями были крестьяне, пилили бревна, обтесывали камни для стройки. Вырученные деньги приказ отдавал в рост под проценты, удерживая 50 % заработка **рабочего дома**.

По отношению к дворянам приказы общественного призрения имели особые указания от государства. К примеру, по указанию Тверского предводителя дворянства в 1803 г. в местный приказ общественного призрения было внесено 50 тыс. руб. «на раздачу недостаточным дворянам для продовольствия крестьян хлебом» [13]. Получается, что часть налогов через приказы общественного призрения уходила на поддержание дворянского хозяйства. Если следовать документу из РГИА «О приказах общественного призрения» 1803 г., то формально приказы общественного призрения не являлись благотворительными заведениями, поскольку зависели от государства, а не «сооружались частным благотворением» [14].

Архивные документы фиксируют примеры незаконной деятельности со стороны клиентов сберегательных касс. Секретные журналы Ярославского приказа общественного призрения сохранили сведения о подлоге фальшивых кредитных билетов 10-рублевого достоинства [15]. Дело разбиралось с участием полиции.

К моменту отделения от приказов общественного призрения коммерческой составляющей, к 1841 г., в них сосредоточивались солидные материальные средства. Так, к 1 августа 1842 г. только в Костромском приказе общественного призрения было собственных средств 1 и 2 разрядов в 175937 руб. 56 $\frac{7}{4}$ коп. серебром, вкладов по 3, 4, 5 разрядам в 796450 руб. 4 $\frac{7}{4}$ коп. Всего около 1 млн руб. [16]. В то же время к 1841 г. в Тверском приказе общественного призрения капиталы 1 и 2 разрядов составляли 438641 руб. 94 $\frac{3}{4}$ коп. [17] Однако имевшиеся средства практически не тратились на необходимые мероприятия по благоустройству инфраструктуры заведений системы приказов общественного призрения. Между тем архивные документы показывают исключение в деятельности Ярославского приказа общественного призрения: из 370 тыс. руб. серебром приказ на рубеже 1830–1840-х гг. выдавал ссуды Нижегородскому городскому обществу, Вологодскому приказу общественного призрения, содержал Костромское училище для канцелярских служащих, выделял деньги для Петербургского коммерческого училища, Московской и Петербургской фельдшерских школ, содержал «Ярославский дом призрения ближнего», а также занимался закупкой медикаментов для ярославской больницы и воспитательного дома [18]. При этом доходы за 1842 г. в Ярославском приказе общественного призрения оцениваются в 47344 руб., а текущие расходы в 44186 руб., что свидетельствует о значительной включенности последнего в финансово-экономическую деятельность и о внимании к нуждам учреждений ведомства общественного призрения, в т. ч. за пределами Ярославской губернии.

За период с 1770-х гг. по 1840-е гг. капиталы приказов общественного призрения верхневолжских губерний увеличиваются в среднем в 15–20 раз. Так, в Ярославском приказе общественного призрения в течение первого года его существования, в 1778 г., сосредоточивалось 26562 руб. [19]. К 1813 г. в приказе имелось уже 195961 руб. 291/4 коп. [20]. К моменту передачи всех финансов отдельному институту сберегательных касс в 1841–1842 гг. в этом же ведомстве имелось 367343 руб. 99 коп. [21]. В финансовой деятельности приказов общественного призрения следует выделить недостатки, среди которых – воровство чиновников. По секретному письму без подписи от 2 сентября 1842 г., обнаруженному в документах по Костромскому приказу общественного призрения, дом горожанина Углечанинова продавали за 120 тыс. руб., из которых 60 тыс. отдавалось вдове, остальные 60 тыс. предварительно назначались костромским чиновникам, «содействовавшим сей покупке» [22]. Подобная коррумпированная состав-

ляющая подтверждает противоречивость законодательства в экономической сфере Российской империи и определенную вседозволенность провинциальных чиновников.

Следует отметить, что администрация приказов общественного призрения не всегда должным образом относилась к распределению имевшихся денежных средств. От самих учреждений ведомства к руководству неоднократно поступали прошения о помощи в восстановлении зданий учреждений. Однако администрация приказов часто оставляла прошения без удовлетворения. Другой вариант развития ситуации – доведение зданий учреждений до аварийного состояния, а затем строительство или покупка нового здания. К примеру, к 1798 г. в Твери пришла в ветхость больница, которую не ремонтировали последние 19 лет. Взамен каменного здания для больницы был куплен деревянный дом на каменном фундаменте за 2,5 тыс. руб. у статской советницы Свечиной [23]. Через два года больница уже нуждалась в ремонте, для которого было выделено 250 руб., а еще через год, в 1801 г., 332 руб., 44 коп. и сделана пристройка на сумму в 1090 руб. Но к 1808 г. здание деревянной больницы пришло в ветхость, по этой причине пытались восстановить старое каменное здание, для чего было выделено 7000 руб. Но и это предприятие не завершилось, т. к. здание подтапливалось Волгой, и было решено спроектировать новую больницу на 100 человек.

Подобное неудовлетворительное состояние учреждений системы общественного призрения наблюдалось по всем верхневолжским губерниям. Архивные документы по Костромскому приказу общественного призрения к 1831 г. фиксируют ветхое состояние богоугодных заведений и бездействие местной администрации [24]. Основная причина ветхости учреждений Костромского приказа общественного призрения – затягивание составления сметы на ремонт со стороны губернской администрации. В итоге смета была составлена и на ремонт старой больницы, и на строительства новой, для чего требовалось 373 957 руб. 11 коп. Такие деньги Костромскому приказу было достаточно проблематично найти, и проект остался нереализованным.

Неудовлетворительное состояние фиксируется архивными документами и по Ярославскому приказу общественного призрения. Так, в документе за 1845 г. приводится ведомость о «недостаточном» состоянии заведений приказа, кроме корпуса для умалишенных и отделения писцов [25]. Основная причина отсутствия элементарного ремонта в учреждениях призрения – отсутствие финансового обеспечения.

В результате реформ 1860-х гг. приказы общественного призрения были преобразованы в земские учреждения и, по сути, стали полностью зависимыми от государственных дотаций. Все средства на протяжении первой половины 1860-х гг. передавались в пользу государственного банка, а самим приказам выдавалось единовременное вознаграждение. Так,

26 марта 1863 г. в костромскую канцелярию губернатора поступило уведомление за № 2189 о ликвидации приказа [26]. Государство выплатило сети ведомства Костромского приказа общественного призрения компенсацию в 850000 руб., а все капиталы приказа к этому времени составляли 23 млн руб. За приказами таким образом сохранялись лишь капиталы 1 разряда (собственно принадлежащие приказам), 2 разряда (имеющие определенное благотворительное назначение) и 3 разряда (так называемые «апелляционные») [27]. В Костромском приказе общественного призрения, например, к 1863 г. таковых оставалось 297247 руб., притом что ещё к 1861 г. капиталов 1 разряда было 272451 руб. 62 ½ коп., 2 разряда 29035 руб. 34 коп., 3 разряда – 4419 руб. 52 ¼ коп. Всего капиталы 1–3 разрядов Костромского приказа составляли 305 906 руб. 49 коп. [28] В данном случае проявляется незначительная тенденция к уменьшению средств приказов по мере их ликвидации. Подобное замечание можно сделать и по отношению к другим верхневожским приказам общественного призрения.

Опыт финансовой деятельности приказов общественного призрения последней четверти XVIII – первой половины XIX столетия показывает рост их капиталов на территории всего Верхнего Поволжья, особенно с момента организации нового финансового института внутри приказов – сберегательных касс. Основной тенденцией в распределении финансовых потоков следует назвать перераспределение денег в сферу ростовщичества, кредитной политики, а также на содержание учреждений ведомства приказов общественного призрения в столичном городе Санкт-Петербурге и в Москве. Особенностью денежной политики приказов общественного призрения изучаемого периода является отсутствие должного внимания к нуждам самих учреждений, входящих в систему обозначенного ведомства, при постоянном наращивании финансовых объемов, а также попустительское отношение к сложившейся ситуации со стороны местной администрации. В целом финансовая деятельность приказов общественного призрения является примером разносторонней работы провинциальных учреждений медико-социальной направленности.

Ссылки

1. Кузьмичев А. В. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в.: основные направления работы // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. Ярославль. 2010. № 3. С 21–24.
2. ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–3.
3. ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1121. Л. 18.
4. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

5. Учреждение о губерниях её императорского величества государыни императрицы Екатерины II с дополнительными узаконениями государя императора Павла I и государя императора Александра I по 1817 год июнь месяц. СПб., 1818. С. 75–77.

6. Высочайше утвержденный Устав Сберегательных касс // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. Т. 16 (1841), ч. 1, № 14981. С. 883.

7. Кузьмичев А. В. Социальный состав служащих приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 41–43.

8. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 327. Л. 2.

9. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 243. Л. 8.

10. ГАЯО. Ф. 550. Оп. 1. Д. 264. Л. 1.; Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

11. ГАЯО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

12. ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 763. Л. 1–2.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 139. Л. 1.

14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 141. Л. 183.

15. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 388.

17. ГАТО. Ф. 511. Оп. 2. Д. 13. Л. 5об. – 6.

18. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 730. Л. 6–7.

19. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

20. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 1. 2об.

21. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 730. Л. 6–7.

22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 405об.

23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 405. Л. 303–306.

24. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 4об.

25. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 368. Л. 6.

26. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1200. Л. 8–9.

27. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1197. Л. 10.

28. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1134. Л. 2.